

УДК 316.663.5

**Социокультурные табу и инновационные технологии
преодоления войны и насилия****Корнилов П.А.**

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного, муниципального
управления и социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

Ганин Е.А.

Аспирант кафедры государственного, муниципального
управления и социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

В статье рассматриваются особенности социокультурных табу в координатах войны и насилия. Представлены различные подходы к определению табу в современном общественном развитии. Подробно анализируются технологии контроля за насилием и войной в традиционном обществе. Предлагается инновационный подход к технологиям преодоления войны и насилия в современной социокультурной реальности.

Ключевые слова: социокультурное табу, инновационные технологии, преодоление войны и насилия.

Социокультурные табу представляют собой систему запретов, которые конструируются в обществе посредством определенных традиционных или инновационных технологий. Табуирование, которое зародилось в первобытные времена, на современном этапе развития информационного общества формируется и в информационно-коммуникационной плоскости. Различные властные структуры, заинтересованные группы лиц, элиты стараются табуировать темы и информацию, которая может нанести ущерб их ожиданиям и ценностям. Табуируется различного рода деятельность, противоречащая нормам и правилам, принятым в конкретном обществе, сложившемся ментальным установкам.

Исследование феномена табу претерпело значительную эволюцию. И всегда табуирование познавалось в тесной связи с вопросами морали и задачами ограничения таких деструктивных проявлений человеческой природы как война и насилие. В. Вундт утверждал, что табу – самый древний моральный

кодекс, незафиксированный на каких-либо источниках [1, с. 33]. Ф. Фукуяма в своих работах отмечает высокую роль культуры и религии в формировании норм, морали и табу [2]. С точки зрения лингвистики табу изучено В.В. Ивановым, исследовавшим феномен языкового табу у древних народностей [3, с. 82]. С социологической точки зрения табуирование изучает А. Рэдклифф-Браун [4, с. 157-166]. Ученый рассматривает табу как систему ритуальных запретов, содержащих в себе «ритуальные статусы» и «ритуальные ценности». Ритуальные запреты зиждутся на том, что нарушение «ритуальных ценностей» приводит к снижению «ритуального статуса».

В современных общественных отношениях взаимодействие социокультурного табуирования и инновационного развития складывается еще сложнее [5]. Эпоха рабовладения как целостного гештальта насилия осталась в далеком прошлом, но рабовладельческий дискурс в мышлении и поведении людей дошел и до наших дней. Если говорить о фактическом

рабстве, то можно выделить четыре основных направления его символизации: традиционное, трудовое, сексуальное и криминальное. Первое связано с обычаями и укладом жизни многих народов, в которых рабское состояние является легитимным. Что касается трудового, сексуального и криминального, то здесь границы несколько размыты, хотя под первыми двумя понимаются более мягкие формы принуждения, основанные на использовании зависимого положения людей. В основном речь идет о гастарбайтерах и склонении к проституции часто посредством мошеннической вербовки. Под криминальное рабство подпадает деятельность маньяков и банд-групп, совершающих похищение и торговлю людьми, а также особенности уголовной субкультуры, которая также допускает рабский статус у людей.

В современном мире исламские террористы тоже предлагают аналогичный проект с рабством для неверных. И это тоже завоевывает умы. Это – очередной ментальный проект создания подобного общества будущего. Футуристический образ новой социальности уже рисуется писателями-фантастами. Яркий пример – один из самых нашумевших литературных проектов о крахе политики толерантности «Мечеть Парижской Богородицы» Е. Чудиновой, который в настоящее время получил и свое киноплощадие в одноименном фильме режиссера В. Синельникова. Только древние традиции и мощная духовная культура, такие, как в России, в состоянии этому противостоять. СССР считается насильственным, тоталитарным обществом. Советский проект, действительно, обладал такими характеристиками, но именно подобная тоталитарность делало это общество и безопасным.

Чистого насилия в его прямых и грубых формах в советском обществе было мало. Чтобы кого-то резали, убивали. Это всегда был крайний случай. Зато косвенное насилие, символический, идеологический контроль, принуждение было разлито по всему обществу. Не случайно, уголовники выводили татуировку «раб КПСС», но именно в криминальную сферу были вытеснены самые крайние и жуткие формы насильственных деяний, касались они немногих. В советском уголовном мире широко представлен каннибалистский и рабовладельческий дискурс. При побеге из сибирских лагерей авторитеты съедали подручных, жизнь и свободу можно было проиграть в карты и попасть в рабство. Однако в целом советское общество было построено на символизации зомбийного дискурса в его идеологических и пропагандистских трансформациях. Полного искоренения насильственности и деструктивности в СССР достигнуть не удалось, как, впрочем, и во всех остальных современных обществах.

Современный каннибализм – это преступление, реликтовый пережиток, также как и современное

рабовладение; они не являются ментальными гештальтами для современных людей. Суть в том, что в сознании человечества все эти явления не являются нормой, несмотря на всю массовость. Гештальты каннибализма, рабства и зомбирования разрушены, они последовательно сменяли друг друга. Ментальный гештальт – это способ существования не отдельного человека или групп, а всего коллектива людей, сообщества человеческого вида. Под ним понимается способ ментального устройства человеческих отношений. Образ жизни общества, то, как люди мыслят мир и понимают отношения друг с другом. Образ человеческих отношений, целостный жизненный цикл взаимодействия и циркуляции насилия. Гештальт насилия расщепился и породил новые виды и эскалацию насилия [6].

Насколько реальна сама идея преодоления насилия через его символизацию? Вполне, в истории было немало примеров, когда люди пытались построить безнасильственное общество путем четкого регулирования агрессивных инстинктов, создания легитимного канализованного и управляемого насилия. Скажем, древние южно-американские цивилизации вполне успешно решали эту проблему. Заметим, что это были не первобытные племена, а высокоразвитые общества, во многом превосходящие европейскую культуру во времена своего расцвета. Так, империя ацтеков насчитывала более 10 млн. человек и включала в себя целый ряд городов-государств. Долгое время их столица Уицилопочтли была крупнейшей среди всех в мире. В городе Теносчитлан проживало 250000 человек, к началу XVI в. в нем жило больше людей, чем в Лондоне или Риме. Ацтеки обладали высокоразвитой наукой и искусством, у них процветало строительство, медицина, поэзия, существовал календарь.

И вместе с тем это была во многом каннибалистская цивилизация. Жертвоприношения в этом обществе, в том числе массовые, были нормой. Сама мифология ацтеков носила каннибалистский характер. Согласно ей, солнце буквально питается человеческими телами и сердцами. Ритуалы жертвоприношения ставили целью поддержание энергии Солнца и Земли. Если жертв не приносить, то мир погибнет. С позиций современного мира подобные ритуалы можно посчитать жестокими. Скажем, для Земли предназначались детские жертвоприношения. С культом плодородия специалисты связывают ритуал, когда с пленников сдирали кожу и надевали на себя. Были и каменные статуи богов, облаченные в человеческую кожу. На наш взгляд, все это имеет прямую апелляцию к каннибализму и доказывает существование этого этапа в истории человечества. Кстати, часто после смерти конечности жертвы отрезались, варились и съедались. Так что и сам каннибализм присутствовал, хотя, конечно, носил ритуальный характер.

Понятно, что подобные факты долгое время заставляли смотреть на ацтеков как на кровожадных чудовищ. Однако специалисты по ацтекской цивилизации говорят о ней как о высокоморальном обществе. Действительно, жертвоприношения только выглядят садистскими по форме, но на жертву шли добровольно, и это было почетно. После нее тело обожествлялось, подвергалось сакрализации. Если сравнить уровень насилия в ацтекском обществе и любом современном высокоразвитом, эталонным по соблюдению прав человека, то сравнение будет не в пользу последнего. Да, нигде как у ацтеков не было таких массовых жертвоприношений, но они ни по численности, ни по жестокости не идут ни в какое сравнение с количеством и качеством криминальных смертей в современных странах. Маховик насилия в обществе настоящего работает в двух плоскостях. С одной стороны, нелегитимизированное, но от этого не менее реальное, убийственное и жестокое насилие со стороны криминальных групп, маньяков-садистов и т.д., с которым, по факту, ничего не могут поделать, и статистика неумолима, часть населения приносится ему в жертву. С другой стороны, ответное легитимное насилие, которое часто тоже не менее жестоко и ошибочно, призвано обуздать первое, но часто только усиливает его.

У ацтеков проблема стихийного насилия была решена, у них не было преступности и полиции. Человек на улице не боялся стать жертвой преступления, которое могло принести ему моральные или физические страдания, не говоря уже об убийстве. Тело человека было для них сакральным, его нельзя было просто так трогать и уничтожать. Столкновение ацтеков с испанцами – это борьба ментальности (каннибалистской культуры) с менталитетом (жадностью к золоту в культуре испанцев). Самое интересное, что обе стороны были поражены жестокостью друг друга. Испанцы – понятно чем, а ацтеки поражались, как можно убивать на поле боя, для них человеческое тело было священным, а его убийство в бою – это бессмысленная, бездумная трата тел. Кроме того, испанские конкистадоры выжигали клейма у индейцев, а Мантесуму и вовсе заковали в цепи и заточили в собственном дворце.

Соответственно, сами войны ацтеков были менее жестокими, даже в чем-то это было скорее игрой. Ацтеки не стремились убить врага, целью войны была захватить живых пленников, чтобы затем их принести в жертву. В общем-то, типичная символизация каннибалистской войны на поздних этапах, когда реальный каннибализм заменяется ритуальным и символическим, да еще косвенным, вместо людей жертвы съедает солнце. Весь мир ацтеков был выстроен вокруг войны, которая больше носила характер социальной игры, где насилие и агрессия носили условный характер и были четко канализированы. Заметим, что в культуре ацтеков война

и насилие смыкаются, они переходят друг в друга. Война переходит в насилие, захват пленников. А на вопрос, как с ними поступить, они отвечают поканнибалистски. Жертвоприношение, ритуалы, вырванные сердца, поедание.

Аналогичную сакрализацию и канализацию насилия можно наблюдать у майя, чья цивилизация считается системообразующей для древней Южной Америки. Высокоразвитая культура и язык, а также государственное устройство, не уступающие современным. Говорят, что тексты майя были напоены логикой снов. Это вполне характерно для цивилизации ментальностного уровня. На пике могущества майя правила территорией равной современной Франции. Войны между городами майя велись не ради богатства, а ради захвата пленных, которых приносили в жертву. Жертвоприношения майя были очень медленными и кровавыми. Жертвам вырывали ногти, отрезали фаланги пальцев, и они умирали мучительной смертью. Особо ценились пленные правители, им надрезали пенис, язык, руки, выпускали кровь из самых разных частей тела. Конечно, все это находило обоснование в космологии и мифологии майя. Происходил процесс мифологизации символизации, когда символические формы облекались в миф. В начале происходит символизация, а потом она получает свое мифологическое обоснование. Мифологическая обертка символических форм была довольно проста. Жертвоприношения должны были вернуть кровавый долг людей перед богами. Кровь пропитывает все ритуалы майя, даже их правители надсекали край своего пениса и проливали кровь на бумажные полоски, которые потом сжигались. По воззрениям майя, кровью с людьми поделились сами боги, и люди должны были им эту дань возвращать.

В современном мире все больше появляется явлений, которые создают массовые каналы выхода человеческой энергии, в т.ч. и агрессивные, очень похожие на инициализацию. Одни из них дошли до наших дней от ритуалов древности и превратились в праздники. Скажем, в Боливии в районе Анд раз в год проходит праздник Тинку, на котором местные жители, самые обычные люди (и мужчины, и женщины), дерутся друг с другом (в древности это был обряд инициализации). Кровь, которая льется во время таких поединков, посвящена Богам и призвана обеспечить плодородие. В общем, налицо сходные с другими ритуалами мифолого-каннибалистские мотивы о символическом божественном потреблении крови и новом рождении. Без мистики же люди имеют возможность направлять излишек энергии в русло легитимного насилия. В Сальвадоре также раз в год жители города Нхапа устраивают огненные побоища (в общем, аналог испанской Томатины). Они смачивают тряпки в бензине, поджигают и метают эти горящие комки друг в друга. Зрелище

в темноте просто феерическое. Травм и серьезных ожогов почти не бывает. Видимо, не случайно, в той же латинской Америке говорят про танго, что это – «преступление без убийства и смерть без гибели». Символизацией насилия и каналом сброса деструктивной энергии может выступить что угодно, главное, что все потом расходятся веселые, довольные и невредимые.

Однако помимо традиционных игр в современном мире появляются и совершенно новые явления, например, все тот же экстремальный спорт. Число его видов растет день ото дня, также как и число его поклонников. Сплыв по бурным горным рекам и спуск по неподготовленным горным склонам, прыжки на парашютах с высотных зданий и залезание на них или скалы без страховки, прыжки с утесов в воду, глубоководные погружения, прыжки с трамплинов на мотоциклах и т.д., и т.п. Появляются и явления, напоминающие, с одной стороны, инициализацию, а с другой – цирк. Яркий тому пример, т.н. «мастера пытки». Они прокалывают свои тела иглами, крючьями и подвергают себя прочим подобным испытаниям. В отличие от фокусников речь идет не об иллюзии, они все делают на самом деле. Из отечественных специалистов в этой области наиболее известен «мастер смерти» Ассагра. В своих смертельных ритуалах он не только пронзает свое тело острыми предметами в различных местах, но и выдерживает удары кувалдой, подвешивает себя на крючьях или пилит себя ржавой пилой. Аналогичные шоу активно транслируют СМИ. В настоящее время в разных странах мира появляются группы, которые делают аналогичные вещи в массовом порядке. На Филиппинах подобные практики связаны с местными праздниками и религиозными ритуалами.

В целом, опыт современных инноваций в области войны и насилия и наследия древних латиноамериканских цивилизаций показывает нам путь, на котором можно достичь преодоления блокирующих социальное развитие табу, войны и насилия в российском обществе и во всем мире. По сути, им это

удалось, извечные проблемы человеческого существования были заменены реальной символической игрой. Знаменитые «войны цветов», когда сражающиеся стороны и в самом деле бились цветами с последующими жертвоприношениями, полностью исчерпали возможности появления внутри этих обществ войн и насилия современного типа. Конечно, никто не говорит о возрождении кровавых ритуалов, но это, пожалуй, единственное, что смущает во всем этом. В остальном же в древней практике есть немало сходных с современностью элементов, на которые можно опереться в процессе организации или регулирования целенаправленной символизации войны и насилия в инновационные более безобидные и социально-приемлемые формы.

Литература:

1. Вундт В. Проблемы психологии народов. – М.: Космос, 1912. – 36 с.
2. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/fuku/06.php, (доступ свободный).
3. Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Советское радио, 1978. – 184 с.
4. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Пер. с англ. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 304 с.
5. Корнилов П.А., Ганин Е.А. Образ войны и нанотехнологии в современном социокультурном табуировании // Вестник КГТУ. – 2012. – № 24. – С. 171-179.
6. Корнилов П.А. Образ войны и насилия в дискурсах социокультурной коммуникации: социология и менталогия исследования. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 294 с.

Socio-Cultural Taboos and Innovation Technologies of Overcoming War and Violence

P.A. Kornilov, E.A. Ganin
Kazan National Research Technological University

The paper dwells upon the specific features of socio-cultural taboos in the framework of war and violence and various approaches to definition of taboo in modern social development. The authors analyze technologies of war and violence control in traditional society and propose innovative approach to it in modern socio-cultural situation.

Key words: socio-cultural taboo, innovation technologies, overcoming of war and violence.